

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В РАЗНОЯЗЫЧНОЙ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТОПОНИМИКЕ ОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Изучение семантики исходных апеллятивов является необходимым этапом топонимического исследования. Оно позволяет выявить физико-географические характеристики местности, наиболее значимые для населения в период возникновения названия, а также дает возможность получить определенные сведения о занятиях и интересах населения, прямо или опосредованно отраженных в семантике топонимов¹.

Исследование семантики топонимов способствует также установлению круга слов, используемых в географических названиях. Наконец, регулярность употребления лексем, относящихся к определенным тематическим группам, позволяет говорить о тех или иных закономерностях номинации, действовавших в период возникновения географических названий².

Выбор при наименовании того или иного признака как основного для данной реалии обуславливается интересами населения, которые, в свою очередь, зависят от разнообразных социально-экономических, психологических и других факторов. В известной мере можно говорить об относительной устойчивости круга интересов, которым определяется выделение того или иного признака географического объекта.

Итак, с одной стороны, при этимологическом изучении топонимов следует иметь в виду прежде всего те семемы, которые типичны для конкретных социально-экономических и других условий, определявших характер использования географических объектов в данный исторический период. С другой стороны, необходимо ожидать в топонимике не только реализации специфического набора семем, но и их повторения при обозначении объектов как одного, так и разных классов.

Цель дальнейшего изложения — охарактеризовать семантику мансийских субстратных топонимов, существующих сейчас в русском употреблении в бассейне р. Тавды, сопоставив их в плане зна-

¹ Для краткости употребляем термин «семантика топонимов», имея в виду семантику исходных апеллятивов.

² См.: А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов. — В сб.: Этимология, 1967. М., 1969. стр. 192.

чения с русской топонимикой той же территории. Исследование ограничено частью бассейна р. Тавды, начиная от слияния рек Лозьвы и Сосьвы. Все приведенные в работе факты, за исключением тех, на которые даются специальные ссылки, извлечены из картотеки Севернорусской топонимической экспедиции УрГУ.

Семантика мансийских топонимов уже была предметом внимания исследователей, в частности Г. П. Вуоно, одна из работ которого специально посвящена этому вопросу³.

Говоря о мансийских названиях, Г. П. Вуоно отмечает несовпадение семантических кругов, ограничивающих возможности использования апеллятивной лексики в русской и мансийской топонимике. Это утверждение справедливо по отношению к приведенным им названиям *Апси* (манс. *апси* «младший брат»), *Кангкя* (манс. *кангк*, «старший брат»). Вместе с тем следует отметить ошибочность мнения Г. П. Вуоно об отсутствии мансийских гидронимов, обозначающих цвет воды, дна и т. п.⁴: так, в бассейне р. Тавды топонимической экспедицией Уральского университета засвидетельствованы названия *Шемельвыть* (приток 4-й степени р. Пелым) и *Шемелья* (приток 2-й степени р. Тавды). Перевод названий соответственно — «черная вода» и «черная река».

Несколько преувеличивает Г. П. Вуоно роль вотчинных названий в мансийской топонимике, утверждая, что «мансийская топонимия сравнительно широко представлена названиями, указывающими на принадлежность»⁵.

Обратимся к историческим свидетельствам. А. Алквист, побывавший у манси в 1858 году, пишет: «Земля или, лучше сказать, лес, есть общее достояние Вогулов, так что каждый имеет право в нем охотиться и стрелять сколько ему угодно... Но относительно рыболовства существуют другие порядки, так как всякое устье или другое какое-либо рыбное место на реке имеет своего владельца, от которого только русские и могут брать эти места на аренду»⁶.

Исходя из этого свидетельства, следовало бы искать вотчинные названия в гидронимике, однако, по нашим данным, и здесь их очень мало, а из довольно большого списка гидронимов, приведенных Г. П. Вуоно, лишь у одного основа определенно является собственным именем человека — оз. *Елестур*⁷. Этимология названия

³ Г. П. Вуоно. Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения. — Уч. зап. ТГПИ, т. XXI, вып. 1. Томск, 1964. См. также: Г. П. Вуоно. Мансийская топонимия Привышерь. — В сб.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.

⁴ Г. П. Вуоно. Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения, стр. 107—108.

⁵ Там же, стр. 108.

⁶ Цит. по кн.: О древней культуре западных финнов по данным их языка по сочинению Августа Алквиста «Культурные слова в западно-финских языках». Составил Л. Майков. СПб, 1877, стр. 97.

⁷ Г. П. Вуоно. Семантическая характеристика топонимов..., стр. 108. Отметим попутно, что местные манси связывают это название не с именем Елесий, а

Соимья от женского имени *Соим* «покорная»⁸ вызывает сомнение. Скорее здесь манс. *sojim* (Алкв., 53), *союм* (Б—В, 107) — ручей; ср. гидроним *Сосья* (приток Печоры), который А. Каннисто переводит «ручьистая река» (Bachfluß)⁹. В названиях населенных пунктов основы антропонимического происхождения, естественно, встречаются несколько чаще.

Из сказанного, однако, не следует, что надо отказаться от поиска антропонимических основ в мансийских гидронимах. Дело в том, что мы плохо знаем мансийскую антропонимику, особенно дохристианские имена. Возможно, что некоторые гидронимы (и вообще топонимы), которые пока еще не удалось истолковать, имеют в своем составе компоненты антропонимического происхождения. Кроме того, в состав топонимов могут входить имена мифологических персонажей.

Значительное внимание вопросам семантики топонимов уделяется в статьях Е. И. Ромбандеевой¹⁰, отмечающей, что мансийские топонимы «чаще всего отражают названия объектов промысла или рыбной ловли или названия, характеризующие вид промысла, его сезонный характер»¹¹, и что названия непригодных для хозяйственной деятельности и священных мест «не отражают основных особенностей этих местностей»¹². В статьях Е. И. Ромбандеевой, посвященных мансийской топонимике, приводится большой фактический материал, как правило, ясно и точно интерпретированный.

В целом, однако, семантика мансийских топонимов, особенно субстратных, изучена еще далеко не достаточно.

Исследование семантики топонимов субстратного происхождения требует несколько иного подхода, чем аналогичные исследования, основанные на изучении «живой» топонимики. Прежде всего, невозможно с достаточной степенью точности говорить о преобладании той или иной группы семем, так как довольно большое количество названий остается неинтерпретированным вследствие различных причин. Часть названий могла быть калькирована в период двуязычия. Наконец, некоторые субстратные топонимы притягиваются к русским географическим названиям по народной этимологии, и иногда просто нельзя определить, имеем мы дело с мансийским или с русским названием. Так, мансийское происхож-

с мансийской фамилией Елесин. Кроме того, на одной из старых карт в районе этого озера по верхней Лозьве фигурирует н. п. Юрта Елесина.

⁸ Там же.

⁹ A. Kannisto. Über die früheren wohngebiete der wogulen im lichte der ortsnamenforschung.— FUF, XVIII. Helsinki, 1927, S. 76.

¹⁰ Е. И. Ромбандеева. Некоторые этимологии мансийских топонимов.— В сб.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. М., 1965; она же. Основные типы мансийских географических названий.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР (тезисы). Л., 1965.

¹¹ Е. И. Ромбандеева. Некоторые этимологии мансийских топонимов, стр. 46.

¹² Там же, стр. 51.

дение названия р. *Роща* устанавливается лишь по наличию вариантов *Росся*, *Росья* (ср. манс. *рось*¹³ «песчаный берег»).

При изучении сколько-нибудь спорных фактов значительную помощь может оказать достаточно полный сбор материала в полевых условиях. Название р. *Поговорка* перестает ассоциироваться с соответствующим русским словом после сопоставления с названием р. *Пагуя*, в которую она впадает, и с топонимом *Покувор* (урочище). Все эти названия восходят к манс. *пакв* «кедровая шишка, кедр», *пакв-вор* «кедровый лес».

Отсутствие полевых записей может привести к серьезным ошибкам при интерпретации. Так, вряд ли можно непосредственно связывать название р. *Ушма* в бассейне верхней Лозьвы с мансийской основой *ус-* «гибель», как это делает Г. П. Вуоно¹⁴, так как местные манси называют эту реку *Висма*.

Неоправдано и объяснение названия *Вижай* как «водопой»¹⁵. У манси эта река носит название *Ялпынг-я* «священная река», что по семантике полностью соответствует этимологии гидронима *Вижай* из пермских языков, данной А. С. Кривошековой-Гантман¹⁶. И уж совсем непонятна трансформация названия *Елма* (*jolma*) в *Уольма*, которую постулирует Г. П. Вуоно¹⁷ с последующей этимологией «плесовая река». Местные манси называют эту реку *Овынг-я* «река в быстрым течением».

Полевые записи могут иногда рассеять и недоумение, вызванное той или иной этимологией. Например, Г. П. Вуоно пишет: «В. А. Варсонофьева¹⁸, очевидно, ошибается, поверив местным жителям, что есть «вершина того места, куда сносят «дудки» — излюбленное лакомство вогулов» (Порри-тотне-сорри-сяхль). Почему «дудки» — растение одного семейства с укропом и пиканом (зонтичные) — борщевик, *Heracleum sibiricum* (по-мансийски *пор*), который в пищу употребляется разве только как приправа к маринадам, является у манси... любимым лакомством? Почему этот пор, годный только как игрушка, нужно куда-то «стаскивать» (по-манс. *тот-*)? Наконец, почему, говоря о форме *порри*, мы берем этимон *пор?*»¹⁹.

Между тем в полевых условиях было установлено следующее. Порыг (действительно являющийся лакомством у манси) растет у подножья горы *Порыг-тотнэ-сори-сяхл* (так!), поэтому до дороги

¹³ Без помет приводятся данные одного из северных диалектов мансийского языка — верхнелозьвинского (полевые записи).

¹⁴ Г. П. Вуоно. Мансийская топонимия Привышерь, стр. 105.

¹⁵ Г. П. Вуоно. Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения, стр. 112—113.

¹⁶ А. С. Кривошекова-Гантман. Следы древнепермской топонимии на «юг», «юк» в Прикамье. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР, стр. 224.

¹⁷ Г. П. Вуоно. Мансийская топонимия Привышерь, стр. 109.

¹⁸ В. А. Варсонофьева. Жизнь гор. М., 1948.

¹⁹ Г. П. Вуоно. Мансийская топонимия Привышерь, стр. 108—109.

или стоянки, которые обычно располагаются выше, его приходится нести.

Однако приходится признать, что и полевые записи не являются всемогущим инструментом, позволяющим разгадать тайну происхождения любого названия. Помогает комплексный подход, при котором полевые записи дополняются архивными материалами и другими источниками. И хотя многие из топонимов до сих пор не интерпретированы, группа названий, этимология которых раскрыта, составляет большинство топонимов.

Чрезвычайно важным вопросом, пока еще слабо разработанным, является проблема национального своеобразия топонимики. Определяясь объективными социально-экономическими и другими факторами, признаки, закрепленные в названиях, вместе с тем отражают специфику национального видения народа, который дал названия. Попытаемся на материале сопоставления русской и мансийской топонимики наметить и охарактеризовать некоторые из возникающих в связи с этим проблем.

Сравнивая русскую и мансийскую по происхождению топонимику на указанной территории в семантическом плане, мы, разумеется, должны иметь в виду, что мансийские топонимы более архаичны; однако при сопоставлении состава реалий разница обнаруживается лишь в соотношении числа естественных и искусственных объектов: названия последних в русской топонимике представлены шире за счет таких объектов, как пашни, пастбищные угодья и т. п., что говорит о специфике хозяйственных интересов русского населения. Вместе с тем разветвленная сеть обозначений рек, озер, урочищ, охотничьих угодий хорошо представлена как мансийскими, так и русскими названиями, хотя степень детализации этих объектов первоначально, возможно, была разной для мансийской и русской по происхождению топонимики.

Однородность классов называемых объектов, вызванная тем, что все топонимы в настоящее время функционируют исключительно в русской среде, создает благоприятные возможности для сравнения семантики исходных апеллятивов как русских, так и мансийских по происхождению названий, но неодинаковая сохранность топонимов ведет к тому, что мы всегда вынуждены исходить из семантики мансийских названий, сравнивая их с русскими, а не наоборот.

Основную массу географических названий как русских, так и мансийских по происхождению на исследуемой территории составляют гидронимы, и в дальнейшем речь пойдет в основном о них.

Прежде всего следует обратить внимание на географические термины. В местных русских говорах функционирует много заимствованных из мансийского языка терминов, относящихся к области гидрографии: *ах* (речка, связывающая озеро с большой рекой), *пава* (речка, в которую уходит рыба зимой, когда в большинстве рек происходит «замор»), *туман* (озеро, образовавшееся в резуль-

тате разлива реки) и др.²⁰. Эти термины встречаются и в самостоятельном топонимическом употреблении, а также в качестве детерминативов в сложных топонимах²¹.

Русские, осваивая Зауралье, встретились с необходимостью ориентироваться в новой природной среде, что и привело к необходимости выработки общего для данной территории круга географических терминов. Процессу формирования единой географической номенклатуры мешало то обстоятельство, что русские, заселявшие эти места, приезжали из разных концов России и, следовательно, не могли сразу выработать общую терминологию.

Займствование географических терминов и топонимов из языка манси способствовало как быстрейшему приспособлению русских к новым условиям жизни, так и сложению общей системы географических терминов и топонимики. С течением времени в связи со стабилизацией жизни и прекращением контактов с иноязычным населением (главным образом, в результате его ассимиляции) происходит обратный процесс — вытеснение заимствованных терминов русскими и переход ряда этих терминов в топонимы. Этот процесс на исследуемой территории в настоящее время уже идет²².

Разумеется, обозначение любых природных объектов возможно было бы осуществить и только средствами русского языка. Однако выделенные признаки могли бы отличаться от тех, которые отражены в мансийских словах.

В плане сравнения семантики мансийских и русских топонимов особый интерес представляют названия, не восходящие во всех своих компонентах к терминам, включенным русскими в активный запас лексики. Ниже приводятся для сравнения некоторые мансийские и русские по происхождению гидронимы, зафиксированные на исследуемой территории и не содержащие (как правило, в определяющей части) компонентов, которые адекватны мансийским апеллятивным заимствованиям, функционирующим в настоящее время в русском употреблении. Для удобства выделены семантические группы, внутри которых приводятся мансийские названия и русские топонимы с соответствующей или близкой семантикой. В случае, если на данной территории (а она была подвергнута полному полевому обследованию) не были засвидетельствованы русские названия, по семантике аналогичные мансийским, второй член корреляции обозначается знаком X.

В зависимости от признаков, положенных в основу номинации²³, выделяются следующие семантические группы.

²⁰ Подробнее см.: А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — Уч. зап. УрГУ, вып. 32: Свердловск, 1959.

²¹ См. наши статьи «Мансийские географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении» (ВТ, № 4. Свердловск, 1970 и Русская топонимика мансийского происхождения среднего и нижнего Припелымья» (ВТ, № 5. Свердловск, 1971).

²² См. нашу статью «Мансийские географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении» (ВТ, № 4. Свердловск, 1970, стр. 96).

²³ Анализируются лишь названия с прозрачной семантикой.

1. Растительный мир:

1. Лес, различные породы деревьев²⁴: р. *Ворья*²⁵ (вор «лес»); р. *Ивелья* (йив «дерево») ~ оз. *Лесное*; р. *Коватья*, р. *Коут* (ховт «ель») ~ р. *Ельнишина*, руч. *Еловый*; р. *Кылинья* (кыль²⁶ «береза», Алкв. 20) ~ р. *Березовая*, р. *Березовка*; р. *Нихоя* (них «лиственница», Алкв., 32) ~ р. *Большая Лиственница*, р. *Малая Лиственница*; р. *Пагуя*, оз. *Пахтур* (пакв. «кедровая шишка»); р. *Татья* (ю.-манс²⁷ тат «кедр») ~ р. *Кедровая*; оз. *Поговор*, р. *Поговорка* (пакв-вор «кедровник») ~ р. *Кедровичная*; р. *Пачерья* (пасяр «рябина») ~ Х; оз. *Суйталка* (суй «сосновый бор») ~ руч. *Борок*, р. *Подборная*; р. *Тарынья* (тарыг «сосна») ~ р. *Сосновая*, р. *Сосновка*, руч. *Сосновый*.

2) Мох, трава: оз. *Ванцентур* (ванс «низкая трава») ~ Х; оз. *Кашлапун* (хасли «мох») ~ оз. *Моховое*; р. *Тангунья* (тангкв «вид мха») ~ Х.

II. Животный мир:

1) Звери: р. *Лиганья* (лигын «белка», Алкв., 25) ~ Х; р. *Небошош* (няп «лосенок») ~ Х; р. *Нюкса* (нёхыс «соболь») ~ Х; р. *Окширья* (охсар «лиса») ~ Х; р. *Ондрынья* (вонтыр «выдра») ~ Х; р. *Чешва* (шешва «заяц», Алкв., 51) ~ Х; р. *Шольчина* (сёльси «горностай») ~ Х; р. *Шорунья* (соруп «лось») ~ Х.

2) Птицы: оз. *Вачтур* (вас «утка»), оз. *Чангино* (сангки «вид утки») ~ р. *Утичьа*; р. *Воробина*, р. *Воронья* (ворап «кедровка») ~ Х; р. *Ибья* (йипыг «филин») ~ Х.

3) Рыбы: р. *Кульма* (хулюм «нерестовая речка», Б—В, 143) ~ Х; р. *Кулья*, р. *Кулах*, р. *Кулинчеш* (хул «рыба») ~ Х; р. *Ушьа*, р. *Усья* (ус, унс «нельма», Б—В, 129) ~ р. *Нельмина*²⁸.

III. Характер берега, дна, русла, форма объекта:

р. *Волья* (воль «плес», Б—В, 24) ~ Х; оз. *Лахтур* (лакв «круглый») ~ оз. *Круглое*, оз. *Кругленькое*; р. *Нёлынья* (нёл «мыс») ~ Х; р. *Оврыш*, р. *Овршош*, р. *Овырья* (овра «крутой») ~ р. *Крутая*, руч. *Крутой*; р. *Осья* (осья «узкий») ~ оз. *Узенькое*²⁹; р. *Пандросья* (пант «плоский», рось «песчаный берег») ~ р. *Гладкая*; оз. *Пентур*

²⁴ Количество обозначаемых реалий не учитывается.

²⁵ Более подробно этимологии многих из приведенных топонимов рассматриваются в нашей статье «Русская топонимика мансийского происхождения среднего и нижнего Припелымья» (ВТ, № 5. Свердловск, 1971).

²⁶ По техническим причинам примеры, извлеченные из письменных источников, даются в русской графике.

²⁷ С пометой ю.-манс. привлекаются факты, записанные нами в ходе работы в составе СТЭ у одного из последних носителей южно-мансийского (тавдинского) диалекта И. В. Халтурина.

²⁸ Поскольку р. *Нельмина* впадает в одну из рек с названием *Ушьа*, есть основания считать этот гидроним калькой.

²⁹ Названия реки со значением «узкая» в топонимике русского происхождения на исследуемой территории нет, хотя зафиксировано две реки с наименованием *Широкая*.

(ю.-манс. *пэнг* «голова») ~ оз. *Большеголовое*; р. *Рахтя*, оз. *Рахтур* (*рахт* «глина»), р. *Солепя* (*сули* «глина», Б—В, 108) ~ оз. *Глиняное*; р. *Росья* (*рось* «песчаный берег») ~ руч. *Песок*, оз. *Песчаное*; р. *Тосьма* (*тосам* «сухой») ~ руч. *Сухой*, оз. *Сухое*.

IV. Свойства воды и течения:

р. *Агарья* (*агыр* «водоворот», Сил., 21) ~ X; мыс *Ломчин* (*лонсинг* «теплый», Б—В, 47) ~ руч. *Теплый*; р. *Мешпеть* (*месыгпатта* «омут») ~ X; р. *Нолья* (*нолвит* «наледь», Б—В, 64) ~ X; р. *Сура* (*сура* «густой») ~ X.

V. Месторасположение, ориентированность объекта:

оз. *Аялтур* (ю.-манс. *аял* «первый», Сил., 21) ~ оз. *Первое*, р. *Первая*; р. *Китшош* (*кит* «два, второй») ~ р. *Вторая*, оз. *Второе*; р. *Котылья* (*котиль* «середина, средний») ~ р. *Средняя*, р. *Середняя*; оз. *Шешпальер* (*сиспал* «зад, задний»), оз. *Шиштур*, р. *Чишья* (*сис* «спина, зад») ~ оз. *Заднее*³⁰.

VI. Указание на характер близлежащей местности, связь со смежными объектами:

р. *Воштя* (*ойт* «заливной луг»), оз. *Нюрма* (*нюрум* «луг», Алкв., 34) ~ р. *Луговая*, оз. *Луговое*; оз. *Каранино* (*карань* «просека») ~ X; р. *Келья* (*келыг* «болото») ~ X; оз. *Сосенурай*, р. *Чёшья* (*сос*, ю.-манс. *чёш* «ручей») ~ X; р. *Турья* (*тур* «озеро») ~ р. *Озерная*.

VII. Жилые сооружения:

р. *Колымья*, р. *Коласья*, оз. *Колонтур*, р. *Колмах*, р. *Колсунт*, залив *Колослок* (*кол* «дом») ~ X; р. *Пылыпья* (*пыэл* «поселок, деревня», Алкв., 42) ~ р. *Деревенская*.

VIII. Связь с промыслами и другими хозяйственными занятиями:

р. *Унгурай* (*Вонгурай*) (*онгх* «смола») ~ оз. *Живичное*; р. *Капасья*, р. *Кэпша*, залив *Капшалок* (*хап* «лодка») ~ X; р. *Каратунка*, (*хартум* «волоок») ~ р. *Волоковая*, р. *Волочок*; р. *Волошная*, р. *Волочешная*, р. *Култымья* (*хултунгкве* «ловить рыбу колданом» Б—В, 143) ~; р. *Нялितья* (*няль* «слопец, капкан, ловушка»); р. *Слопешная*, руч. *Слопешный*; р. *Парт*, оз. *Парта* (*парт* «доска») ~ оз. *Дошаное*; р. *Патасья* (*патас* «перевес») ~ X; р. *Понылья* (*Понынья*) (*пон* «сеть») ~ X; р. *Путумка* (*пут* «котел») ~ X; р. *Сальтымшош*, р. *Сальтымья* (*салт* «лыко, мочало») ~ р. *Мочиха*, р. *Мочальная*; р. *Уншик* (*унсах* «мост») ~ р. *Мостишна*, р. *Мостовая*.

³⁰ Единственное русское название с этим значением, засвидетельствованное на данной территории. По-видимому, с близкой семантикой в русской по происхождению топонимике употребляются конструкции с префиксом за-: оз. *Заозерное*, р. *Заволочная* и др.

IX. Эмоционально-экспрессивная характеристика:

оз. *Вещетур* (весь «красивый») ~ X; р. *Люлья* (люль «плохой») ~ р. *Худая*; р. *Похтынья*, р. *Похта* (похт, «грязь, навоз») ~ р. *Грязная*.

X. Человек:

р. *Икучёш*, р. *Екуя* (эква «женщина, старуха») ~ X; р. *Куманья*, р. *Кумья* (хум «человек, мужчина») ~ X.

XI. Мифологические представления:

оз. *Каянтур* (каюн^гкве «шаманить», Б—В, 36) ~ X; *Кэпырмья* (хап «лодка», зарум «сделанный», ср. местную легенду: «Нельзя было проехать в заводи, затягивало, водяной глотал лодки. Приехали люди, выботали (выпутали) лодку, т. е. оставили только остов, положили туда серу, зажгли, сверху забили сукном, водяной проглотил, подох, потом ребра выплывать стали») ~ X; р. *Омшоулым* (амп «собака», шоуам «проглатывать», Алкв., 54) ~ X; р. *Пупытья*, р. *Попуя*, оз. *Попутор* (пупыг «божок, идол») ~ р. *Шайтанова*, р. *Шайтанка*.

Таким образом, семантика мансийских и русских по происхождению топонимов в большинстве случаев близка или даже равнозначна, отражая в названиях аналогичные признаки. Вместе с тем ряд семем, характерных для мансийских топонимов, не находит близких соответствий в местных русских географических названиях.

Означает ли отсутствие тех или иных семем в русской топонимике по сравнению с мансийской, что соответствующие семантические модели не характерны для русской топонимики? По-видимому, утверждать это приходится с большой осторожностью, так как в возможный период двуязычия (пускай даже неполного) многие понятия могли быть заимствованы русскими из мансийского языка, и то, что мы считаем мансийским, на самом деле может восходить к русскому употреблению. И, наоборот, наличие соответствующей семемы в русской топонимике еще не говорит об ее характерности, так как название могло быть калькировано.

Однако в некоторых случаях можно сделать более или менее определенные выводы. Так, в гидронимах русского происхождения на исследуемой территории редко встречаются обозначения зверей, птиц, в названиях рек не отмечены (за исключением уже упомянутой р. *Нельмина*, см. выше стр. 81) обозначения рыб. Довольно существенные отличия наблюдаются и при сравнении семантики наименований по характеру берега, дна, русла реки; в частности, для русских топонимов оказались не характерными обозначения типа «плесовая», «мысовая». Определенные особенности наблюдаются и при назывании гидрообъектов по свойствам воды и течения: в русских гидронимах не выделяются такие признаки, как наличие омутов, водоворотов.

Отражение в русских и мансийских названиях других естественных природных признаков имеет незначительные отличия, говорить о которых более определенно можно будет лишь при расширении материала. В целом, по-видимому, можно сказать, что в основе мансийских названий лежат точные и конкретные понятия, тогда как русские более обобщены.

В семантике мансийских и русских топонимов не могла не получить отражение специфика хозяйственной и культурной жизни манси и русских. Среди наименований, отражающих лесной промысел и другие хозяйственные занятия, отмечается ряд семем, не имеющих аналогий среди русских названий, поскольку соответствующие топонимы отражают предметы или понятия, специфические для жизни и быта манси (*патас* «перевес»), либо имеющие значительно больший удельный вес в их повседневной жизни (*хан* «лодка»). Вместе с тем в большинстве случаев и в этой семантической группе в русских названиях фиксируются семемы, соответствующие мансийским, что свидетельствует о значительной общности хозяйственных интересов русских и манси.

Наибольшие отличия наблюдаются в последней группе. Естественно, что мансийские названия, отражающие мифологические представления, почти не находят соответствий в русской топонимике. Дело в том, что, несмотря на христианизацию, манси долго сохраняли языческие представления³¹, которые и отражены в топонимической номенклатуре. Следует заметить, что названия, отражающие мифологические представления, плохо поддаются этимологизации, так как очень трудно проверить достоверность этимологий. Впрочем, иногда помогают топонимические легенды, которые в отдельных случаях могут служить путеводной нитью при этимологизации. Если же дополнительные данные такого рода отсутствуют, то возможности проверки этимологии ограничиваются типологией.

Таким образом, отличия в номинации гидрообъектов для топонимики русского и мансийского происхождения в целом незначительны. Выделение одних и тех же признаков реалий русскими и манси говорит об относительной общности запросов, интересов, стремлений, связанных с эксплуатацией природных объектов³². Эта общность, очевидно, определялась не только одинаковыми природными условиями, но и общими занятиями — охотой и рыболовством.

Вместе с тем имеющиеся отличия в семантике топонимов нельзя прямолинейно сводить только к разнице в экономике и быте русских и манси в период их контактирования, хотя этот фактор также играл свою роль. Очевидно, отмеченные расхождения отражают и специфику интересов, исторически складывавшихся у каждого народа по отношению к природным объектам. Большое значение имели и особенности, касающиеся социально-культурной жизни русских и манси.

³¹ См.: Materialien zur Mythologie der Wogulen. MSFOu, 113. Helsinki, 1958.

³² О возможности калькирования названий см. выше.